

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

У СВЕТА И ТЬМЫ
Книга первая
Я ПРОДАЛ ДУШУ ДЬЯВОЛУ

Александр Черенов

**У света и тьмы. Книга первая.
Я продал душу дьяволу**

«Издательские решения»

Черенов А.

У света и тьмы. Книга первая. Я продал душу дьяволу /
А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504404-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Герой — наш современник — продаёт душу Дьяволу
— по классике: за исполнение желаний на тему собственных фантазий.
А как известно, желания чреватые исполнением — и Сатана не упустит
такой случай. И вот желания исполнены — и за них надо расплачиваться,
независимо от того, благие они или нет. «Pacta sunt servanda»! Сатана
выставляет счёт: Князю мира сего безразлично, на какие цели клиент тратит
жизнь и душу, которая отныне становится его собственностью...

ISBN 978-5-00-504404-4

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	29
Глава седьмая	33
Глава восьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

У света и тьмы

Книга первая. Я продал душу дьяволу

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0050-4404-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-4405-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

«То ли чудится мне, то ли кажется, то ли старый колдун куражится?». Текст – из сказки, но случай – из жизни, мой. К чему это я? Да, к тому, что кто-то «покуражился» над моими фантазиями. Поработал, так сказать. И не только в плане «литературной редакции». Нет, писал, конечно, я. Не стану также отрицать, что этому «кому-то» не над чем было работать. Но мысли мои развили «в нужном направлении». Кому-то нужном. И помимо моей воли.

«В моём лице налицо» – типичная жертва злого умысла. В отношении моих фантазий. Безобидных, конечно. Так, что, прошу не судить меня строго. Может, я и мыслил, но не умышлял. Меня вело, но не уводило. Мало ли, кто что думает?! Да и как я думал: фантазировал! Вот, и нафантазировал. На тему бытия – и на свою задницу. Хорошо ещё, что я – не самый большой фантазёр, и не самый умелый рассказчик. А то – сидел бы я за столом! Так, что, дяди и тёти: отставьте дрожь – ничего с вами не случится. Как не случилось со мной... Или случилось? Ну... сами разберётесь.

«Загадывая желание, будь осторожен:

оно может исполниться!»

Неизвестный доброжелатель

Глава первая

«Жил-был – я. (Стоит ли об этом?)» (Семён Кирсанов). Неправ уважаемый поэт: стоит. Ещё, как стоит! Потому что, если о чём и «стоит» – так лишь об этом. Потому что это стоит... того. Потому что, если бы не было меня, не было бы и того, что... было.

Вот, потому: «жил-был я». И жил-был ещё один товарищ. Тот, Который есть Любовь. Товарищ показался мне перспективным по линии удовлетворения желаний – и я стал домогаться его любви. Врать не буду: не получилось. Не встретил понимания. А, может, как раз встретил – и раньше времени. Так или иначе – а любви между нами не вышло. Виню себя: города берёт смелость – но не наглость. Умнее надо было... домогаться.

Пришлось отступить. Но не отступиться. Не знаю, как Господь – на меня, но я на него виды имел. И вполне определённые.

Я не собирался «впаривать» Ему байки о «поиске смысла жизни», «обретении себя» и тому подобное. И не потому, что Господь – Всевидящий: потому, что я – такой честный. Я искал дружбы Господа не для того. Честно искал. Не скрою: «сокровищам небесным» всегда предпочитал другие – без кавычек. К кому же мне обращаться за вспомоществованием, как не к Тому, Кто жизни за нас не пожалел: что ему какое-то барахло?! И разве я не был умерен в запросах? Я ведь не просил даровать мне жизнь вечную!

Увы: похоже, Господь игнорировал меня. Но я – парень упорный. Особенно – в плане веры. И уж если поверил в Господа, в его потенциал – пойду до конца. Пока не образумят. И я сказал Господу: «Верю в тебя!» В смысле: «Не сомневайся... в себе. Ты сможешь это!».

«Стучите – и отворится вам». Стучался – так что лоб расшиб. Не услышали. «Просите – и дано будет вам». Просил. Не дали. Может, не так просил. Может, как раз так – чтобы не дали. Но в обоих случаях я был честен: что хотел сказать – то и... попросил! Зря Господь усомнился в моей искренности: у меня, что в списке – то и на уме! Да и, какой это список? Так – бумажка... в стандартную тетрадь. Пустяки – для него.

«Ищущий да обрящет»... Увы, верна лишь первая половина. Но это – моя проблема. Хотя и Господь поучаствовал в её создании. Но, в основном, это я – такой «хороший». Настолько «хороший», что от моей «души» отступились даже баптисты. Это – с их-то планами «по охвату!». Баптисты – и те не смогли! А ведь насколько серьёзный народ – уж, я-то их знаю! Мы с ними – старые знакомые! «Двукратные»! И, коль скоро речь зашла об истории наших взаимоотношений с Господом, нельзя не упомянуть и об этой её странице. Каюсь: грешен. Было дело: примкнул к гонителям. Одно утешение: не своим хотением, но начальственным соизволением. Вызвали меня как-то «наверх»: «Ты у нас задействован!» К несчастью – для баптистов – я был не токарем, не пекарем, а следователем прокуратуры. Потому-то и вызвали. Потому-то и «задействовали». Пусть даже и в качестве «удостоверения в раскрытом виде»: мы, «прокураторские», всего лишь «прилагались» к оперативникам УКГБ. «Обеспечивали прикрытие».

Но я бы не сказал, что «дубль второй» был вызван желанием замолить старый грех. Да и не я был инициатором: это всё – моя «везучесть». И везёт же мне на агитаторов: то – сектанты, то – партактив, то – лоточники! И незнакомые алкаши почему-то именно у меня всегда «сшибают» мелочь на опохмел. И попрошайки почему-то именно меня хватают за руку. И гадалки почему-то именно мне предлагают свои услуги. Вероятно, есть во мне что-то такое, мимо чего не могут пройти «охотники на чужбинку».

Не смогли пройти и баптисты. В лице скромного члена трудового коллектива: я уже «сменил масть» и «валял дурака» юрисконсультom заштатной конторы. Как-то раз, по производственной необходимости, я снизошёл до пролетария, в какой-то момент «раскрылся», поте-

рял бдительность и... был «искушён». В советское время «запретный плод» казался особенно сладким – ну, и я не устоял. Вождедел, так сказать.

Вскоре мне предложили навестить «братьев» на дому. В молитвенном доме, то есть. За Библию американского «розлива». В подарок. По тем скудным временам она котировалась выше «Проклятых королей» Дрюона – и я согласился.

Посещение впечатлило: сразу же расхотелось «брататься» – даже за Библию. Несостоявшиеся «братья» моментально сориентировались – и вот тут появилась она. Или оно: средство агитации и пропаганды. В образе невероятно смазливой девицы – из местных товарищей. Воистину: «навозну кучу разгребая...» Грешным делом, я даже забыл о книге – не говоря уже о Боге. Вдруг захотелось любви и понимания – и уже не в обществе Всевышнего.

«Братья и сестры» так расположились к неопиту, что готовы были доставить красавицу вместе с раскладушкой. Доставили. И вот, как только мы легли, всё встало. И не «в том смысле»: на свои места. Увы, но по части интереса я не смог соперничать с Господом в её душе. «И тогда лиса сказала, что виноград зелен». И вообще: «хороша страна Баптистия...» – только воля лучше баб! (Как сформулировал, а! Как обыграл!)

И я обратил любовь на Услужодателя. Да, меня можно было упрекнуть в том, что «люблю я Господа – но странную любовью». Только ведь я ничего не скрывал от него. Прежде всего, я не стал скрывать того, что жду ответного к себе расположения. Так сказать, «любовью – за любовь!» И не в форме «поглаживания по головке»: списка я тоже не таил. Всё было по-честному.

Надо молиться? Даже много и усердно? Да, пожалуйста! Уже в день получения инструкции я «оттрубил» на коленях минут десять, не меньше: «мои» вышли подышать свежим воздухом, и никто не мог помешать нашему разговору. Сама процедура заняла не больше минуты: краткость – сестрица «брата». Всё остальное время я вразумлял Господа насчёт того, чтобы он не сомневался в моём к нему расположении – и по этой причине не тянул со своим.

– Ну, как? – наутродохнул на меня надеждой «вербовщик»: план-то надо выполнять.

– А никак! – врезал я по надежде. – Не прибавилось!

– Чего?

– Ничего! В том-то и дело, что ничего! Ни здоровья, ни настроения, ни благ – ничего!

– Ну, всему своё время! Просите – и дано будет вам! Ищите – и обряцете! Стучите – и отворится вам!

– Хватит – а то ты мне всю Библию перескажешь!

«Обряцете!» «Плавали – знаем!» И этот – туда же! Или я не старался?! А что – в итоге?! Ноль плюс ноль и умножить на ноль – всё равно будет ноль! Не спешил Господь являть мне своё расположение. Явно не спешил.

«Э-э-э, сказали мы с Петром Ивановичем»... Так дело не пойдёт. Что же это получается? Как пелось в одной старинной песенке: «Я к тебе – со всею душой, а у тебя ко мне интерес небольшой!» Так, что ли?!

– А искренен ли ты в своих молитвах? – насмешил меня пресвитер, когда я пришёл к нему с очередной жалобой на Бога.

Искренен ли я в своих молитвах? Да какой нормальный человек будет в таком деле кривить душой? Я имею в виду: отправляя «туда» заявку?! Если бы я «лепил горбатого», то разве стал бы – после традиционной прелюдии «Отче наш...» – еженощно знакомить Господа с перечнем?!

И потом: я ведь никогда не предварял свои запросы требованием дозволить «вложить руку мою в рёбра твои»! Меньше всего меня занимали вопросы чьего-то там бытия: моё собственное – вот вопрос! Вопрос вопросов! Дашь согласно перечню – и я твой, без всяких, там, «рёбер»! Не дашь – entschuldigen Sie, bitte, aber по труду – и награда! Я – честный. Я не какой-нибудь, там, кардинал Монтанелли, который, не получив требуемого, возопил: «Где ты, Бог?

Нет тебя!» До такой низости я опускаться не стану. Я просто скажу Господу: «Извини, приятель, но джентльмены так не поступают!»

И всё: Вам, как говорится – направо, нам, соответственно – налево. Туда, где, по слухам, обитает «товарищ противоположного заряда». Мне ведь – всё равно, от кого получать. Но Вы же не станете отрицать, что стояли первым в списке? Вы же – Всевидящий и Всесведущий! А ведь я мог и обойти Вас: что тут такого?! Но не обошёл же! И что – в ответ?! Извини... те, но какие же мы после этого интеллигенты?!

Я продержался на молитвах ещё пару ночей – а потом дал текст. И, ладно бы из Библии или, какой другой классики – а то ведь свой:

Несут «нетленных» к носам модели,
Но я ж не бабка в платке, я – муж!
Ах, был бы Дьявол на самом деле —
Ему б сдал душу, и счёт – Ему ж!

Я веткой мятой годами сохнул,
Клыки и мысли лишь впрок точа!
Ах, если б Он хоть копытом цокнул,
Я предложил бы себя тотчас!

Слова, рассудок, оставь сорокам,
Врачуй порядочность, как болезнь!
Ах, если б Он показался рогом,
Я на рога бы без слов полез!

Перечит Господу каждый атом:
«Тебе – акт подлый?! Ты – контр-акт!»
Ах, если б только пахнуло адом,
Я тут же кровью б скрепил контракт!

Уже в печёнках печь и полати!
От Бога толку – хоть век божись!
Хватай душонку – мы, брат, поладим:
Я – твой по смерти, Ты – мой по жизнь!

Обидно? Ещё, как обидно!.. Ах, это ему обидно?! Значит, обижали меня – а обиделся он?! А на что? На что Ему обижаться? Сколько можно ходить вокруг да около?! Какие бы «баки ни забивали Мике», вера – это сделка! Та самая: ты – мне, я – тебе. И я готов был исполнять свои обязательства. Честно. Добросовестно. А контрагент? Даже не плюнул в мою сторону: всё бы, какой, никакой, диалог завязался! И разве я много просил?! Сам ведь говорил: «Не заграждай рта волю молотящему!» Вот он я – вол, и как раз молотящий! Так почему «заградили»? Не дал план по «намоту»?

Отговорки по типу «Господь тебя испытывал» не принимаю. Хочешь меня испытать по-настоящему – испытай добром! Злом каждый дурак может испытывать! Пора отходить от шаблонов: вербовка злом уже не актуальна!

Но нет: ни добра, ни испытания. А на «нет» – и меня нет. Извините, товарищ, но любви между нами не случилось не по моей вине. Так что, корите исключительно себя, когда увидите меня в другой команде. Что же до несостоявшегося «брата», то «накрылась» его премия...

Глава вторая

Что ж: сделка не состоялась. Жаль: Господь – малый хороший. Душевный. Сердечный. С перспективами. Но какой-то несовременный. Всё – с уговорами. Всё – с обещаниями, которыми, как известно, сыт не будешь. Не деловой человек. Вот ни на столько не деловой! Это же надо: упустить такой товар! (Это я – о себе). А всего-то требовалось: предъявить гарантии состоятельности. В качестве небольшого залога нашей любви.

Как бы там ни было, я сделал выбор. А он мне помог. Господь, то есть. Своей непрактичностью. Поэтому ещё не известно, чей вклад в наш разрыв больше. Может, мне себя и винить не за что. Сам ведь учил отрясать прах.

И я отряс. И пошёл к другому. Молитв уже не творил: работал со своим текстом. Может, оно и лучше: со своим-то? Не по шпаргалке, всё-таки – от души. От сердца. В конце концов, не слова – главное, а мысли. Чувства. Отношение. Я твёрдо рассчитывал на понимание – даже когда ночь за ночью зря надрывался в темноте. «Ни «ау», ни отклика на моё «ау!» – как пелось в другой старинной песенке.

– Да вы, что, сговорились, что ли?! – И то: попробуй, тут, выдержать. – Ну, народ! Как же вы с таким отношением к работе план выполняете?!

И тогда я решил: всё! Хватит! Будь что будет! Как-нибудь проживу и без вас! В ту ночь, когда я это решил, всё и произошло...

– Не договорились?

– Договорись с вами!

– Хоть бы удивился для приличия...

– («Для приличия»)?

Я развернулся всем телом и уставился в пустой угол, ответственный за ретрансляцию.

– Кто бы говорил!

– Да-а, ты – образец учтивости!

Там, в углу, не пожалели иронии.

– А молчать неделю?

Защищайтесь, милорд!

– Будто ты один такой!

Удар отбит!

– Будто к Вам очередь!

Поглядим ещё, кто из нас – лучший дуэлянт!

– Ну, очередь, не очередь – а народу хватает!

– Вот именно: «народу»!

– А...

Вот тебе и «а...»! Чего зря болтать?! Не слышал, что ли, лозунга «Береги минутку!»? Явился среди ночи – так давай о деле! И нечего тут набивать себе цену!

– («Народу»! «Пипла» – но не товара!)

– Торги объявляются открытыми!

Весёлый парень! Как тут не вспомнить Господа из «Фауста»:

«Из духов отрицанья ты всех мене бывал мне в тягость, плут и весельчак!»

– ... Ты бы тогда хоть штаны надел – по такому случаю.

(«Ну, нахал! Прибыл не по сценарию, одет не по форме – и ещё права качает!»)

– Ха-ха-ха!

Хохот ночного гостя оказался совсем не таким, каким его «дают» в литературе. Там он – мелкий, дробный, противный. Должный вызывать немедленное отвращение к автору. А тут – «всё, как у людей»!

– «Не по сценарию»?

(«Телепат, что ли?!»)

– Это что: без клубов дыма, вспышек адского пламени и запаха серы? А «не по форме одетый» – это, как понимать?

– Очень просто. Трудно разговаривать с пустым местом... Ну, в смысле: Вы бы хоть как-нибудь проявились...

– Как прикажете? – хлестнул иронией голос. – В каком виде желаете меня узреть? Классический чёртик с рожками? Чудище из дантова ада? Апокалипсический Дракон о семи головах и десяти коронах? Рогатое парнокопытное с лицом, похожим на задницу, и с задницей, похожей на лицо? Или «джентльмен из общества» в чёрном смокинге, с характерным блеском глаз?

(«Последнее!»)

Я даже не успел огласить выбор: «джентльмен из общества» уже сидел передо мной. Похоже, товарищ и в самом деле подрабатывал телепатом. Джентльмен получился на загляденье: тёмные напомаженные волосы с зачёсом назад, аккуратные «полубаки», смуглое художачное лицо, умные смеющиеся глаза. И – никаких козлиных бородок! Даже усов – и тех не было! Довершал портрет ладно сидящий на джентльмене смокинг явно не из магазина готового платья, белая накрахмаленная сорочка и галстук-«бабочка».

– А?

– Вполне съедобно!

– Тогда – к делу?

(Шарик – налево!)

– А чего тянуть?! Вам – первое слово!

(Шарик – направо!)

– Так что, слушаю Вас, Ваше... Ваше...

– Вот только не надо!

Ночной гость поморщился, как... как все нормальные люди.

– Не надо «Темнейшества». И «Сатанинского Величества» тоже не надо.

– А как же мне Вас называть?

– «Как ты зовёшься? – Мелочный вопрос

В устах того, кто безразличен к слову,

Кто к делу лишь относится всерьёз,

Кто смотрит в корень, в суть вещей, в основу!»

– Читал! – не удивил я его знанием Гёте. Как и он – меня. – И всё же? Не хотите «Величеством», тогда...

Я отклонился взглядом в сторону – и пошёл по мыслям.

– ...Тогда... Ну, раз Вы – Князь тьмы, то – Ваше сиятельство?.. Нет-нет: Вы же – владетельный князь, государь, то есть... Тогда никуда не денешься: Ваша Светлость... в смысле: Тёмность. Ну, Ваше Высочество...

Мысль с опозданием догнала язык – и я почти виновато потупился: оскорбляю ведь товарища! «Недопочитаю» – и даже «недовоздаю»! Следовало немедленно реабилитировать его – да и самому реабилитироваться.

– Нет, без «Величества» не обойтись»...

– Ну, народ! – почему-то не одобрил меня гость. – Никак не могут без ярлыков!

– Так ведь – не муравьи: не по запаху же отличать... А можно, я буду называть Вас Мессиром?

– Мессиром?

Гость щедро поделился со мной наличным скепсисом.

– Не надо литературы! Называй меня... ну, например: Светоносный.

«Погладив себя по головке», «высокий гость снизу» даже порозовел. И вряд ли от смущения.

– Или лучше так: Хозяин. Кстати, Мессир в одном из вариантов перевода: «мой господин». Не коллаж из «мессии», «месье» и «сира» – а «господин»!

(«Господин! Мой!»)

Мне как-то сразу стало не по себе, но от комментариев я благоразумно воздержался. Хотя меня наверняка «прочитали».

– Значит, мне – слово? – усмехнулся гость. – Опять «в начале было Слово»...

– Нет, зачем: «огласите весь список, пожалуйста».

По выражению лица Хозяина я сразу догадался: товарищ знаком с первоисточником.

– Весь список, говоришь... Но ты же знаешь: я – не коробейник, и лотков с мануфактурой не держу.

Я перестал улыбаться. Это было что-то новое в практике договорных отношений. Отход от канона? Как же он тогда думает рассчитывать? Не связкой же бус и не «серебром» на водку?!

– Не понял...

Я счёл за лучшее не оставлять сомнений при себе.

– Не бойся: не обижу!

– Здесь тоже – не фрайера!

На мгновение Хозяин перестал улыбаться. Явно сказывались изъязны практики: клиентура-то, в массе своей – сами понимаете. И правильно: пусть знает, что «здесь вам не тут!».

– Чего же ты ждёшь?

– А Вы не знаете?!

– Знаю, но я работаю по безналичному расчёту! Идём в ногу со временем, так сказать.

Вот это новость! «По безналичному расчёту»! Это – как?!

– Объясняю. У меня нет расхожего набора товаров и услуг.

А именно: банковских счетов в Швейцарии, машин, квартир, домов, дач, мест в престижных вузах, турпутёвок со скидкой, фирменных носков и галстуков, долей в уставных капиталах фирм, дочек влиятельных родителей на выданье, половых партнёров и партнёрш «с обложки», мальчиков и девочек... Ничего этого у меня нет.

Максимум того, что я мог сделать – это растеряться. И я сделал максимум.

– А что же есть?

Хозяин ободряюще улыбнулся.

– Ну, ну, приятель: не умирай прежде смерти. Я ведь поменял квалификацию, а не утратил.

Я чуть-чуть ожил.

– В последнее время я работаю исполнителем...

Ничего себе: аллюзии! От слов Хозяина дохнуло чем-то родным, от «тридцать седьмого» – и я отреагировал, как надо: вздрогнул. Хозяин растянул губы – пока ещё свои и всего лишь в улыбке.

– ... исполнителем желаний. Даже не так: гарантом исполнения желаний. Никаких товаров, никаких услуг, никакого прейскуранта! Характер желаний оговаривается при заключении сделки. Я только обеспечиваю исполнение. Буквальное.

(«Буквальное»... Вроде и уточнять нечего»).

– ...За маленьким исключением.

– Не понял? – не понял я. И правильно не понял: не слишком ли много «но»?! Что за договор: сплошные оговорки?!

– Ну, в твои лета не обязательно уметь играть на «стратокастере» и петь рок. Не мальчик уже.

Лучше бы я понял! Тут и не захочешь – а покраснееешь: «в точку»! «Анонимный рокер-заочник»! Была у меня такая «мечта-идея», но как бы обращённая в прошлое. Я представлял себя рок-звездой не своих, «предпенсионных» лет, а в последнем классе школы. Очень уж хотелось мне, хотя бы постфактум, ретроспективно поразить одноклассников, а ещё больше – одноклассниц. Была там одна, такая... Мда...

– Я знаю все твои желания, – тактично игнорировал моё смущение Хозяин. – И полностью их одобряю, потому, что каждым из них ты перечишь Господу. Так держать! Поэтому всё, о чём ты только подумаешь, исполнится – даже если ты подумаешь об этом невзначай.

– А вдруг я загадаю не то желание? Не то, которое Вы готовы исполнить?

Может, и не стоило мне так ехидно косить глаза на Хозяина – но, что сделано – то сделано.

– Зря старался!

Это он – о чём: о вопросе или о его «сопровождении»?

– Среди твоих желаний таких нет!

А-а-а!

– Тогда, что ж мы тянем: к договору?

Ласка, с которой Хозяин посмотрел на меня, была какого-то нездорового оттенка. От «жёлтого дома». От тех, кто в белых халатах – по одну сторону решётки, в адрес тех, кто в полосатых робах – по другую. Если я не ошибся в интерпретации – обидно, честное слово!

– А зачем он нам? Зачем обижать друг друга недоверием? Мы – джентльмены, и вполне можем обойтись «джентльменским соглашением».

Неплохой каламбур: «джентльменское соглашение» – всего лишь форма устного договора, при котором обязанности сторон исполняются точно так же, как и при письменном его заключении. Эта форма была мне хорошо знакома. Все мои клиенты «на стороне» предпочитали не афишировать наши отношения и «благодарили за советы» «живыми» купюрами в конверте. Именно «джентльменскому соглашению» я обязан избавлению от необходимости изображать из себя «члена трудового коллектива»: на жизнь вполне хватало процентов от вложенного капитала.

– Вопросы?

Надо подумать!

– Один... Нет: два!

– Давай!

Для начала я многозначительно откашлялся. Но он как-то

«не исполнился» – ни внимания, ни понимания. Знал наперёд, что ли?

– На какой срок заключается договор? Не предполагает ли сделка... характера «шагреновой кожи»?

Хозяин улыбнулся и поднял вверх большой палец.

– Хороший вопрос, приятель! Сразу чувствуется юрист! Можешь успокоиться: на продолжительность твоей жизни количество желаний не повлияет. Никак.

Я не понял. То есть, я понял, что мои опасения насчёт «шагреновой кожи» несостоятельны. Но я не понял, какой же тогда интерес преследует контрагент? А без интереса – какой ему интерес?!

– Это и есть твой второй вопрос? – двинул бровью Хозяин.

– Нет: всего лишь уточнение первого.

– Молодец. Вопросы, как и чудеса, надо экономить. Итак, мой интерес в сделке...

Я уже давно – минут пять, «как» – перестал удивляться талантам контрагента. В части подслушивания и подсматривания.

– Можешь не сомневаться: интерес есть. Ты прав: какой же

интерес – без интереса? Как и положено «по роли», мне нужна твоя душа. Но сразу оговорюсь: на сковородках и без тебя есть, кому сидеть. Так что, отступление от сюжета гарантировано. Что же – до времени...

Я напрягся: вот он, момент истины. Как минимум, «один из».

– ... Не буду интриговать тебя в стиле Христа: дескать, о дне и часе, никто, кроме Отца Моего Небесного, не знает. О твоём дне и часе я знаю всё. Поэтому скажу прямо: мои обязательства перед тобой будут исполнены тогда, когда исполнится твоя мечта.

– ???

Но вместо разъяснений он закрипел креслом.

– В должный час я появлюсь опять. Не думай, что бросаю тебя на произвол судьбы. Помнишь, как говорил мой оппонент: «Где двое или трое собрались во имя мое – там и я с ними!» Вот так – и я. Что бы ты ни делал, знай: я здесь, я рядом. И не потому, что я – «такой хороший», а потому, что твоя жизнь с сегодняшнего дня принадлежит мне. А я своим добром не разбрасываюсь.

Занавес опустился...

Глава третья

«Работая Бодхитхармой» – «постигая» стену напротив – я и не заметил, как наступило утро. Предрассветно серый угол был... предрассветно сер и представлял лишь себя самого.

Заснуть уже не было никакой возможности. Желания – тоже.

Я попытался взбодриться утренней прохладой – но не пошло. И я решил взбодриться другим способом. Тем самым, осуждаемым медициной. Особенно – поутру. Но я нуждался в нём именно сейчас, утром. Может, вечером мне уже и не захочется. Как человеку непьющему. Во всяком случае, много и водку.

И я выпил. Основательно, так, выпил. Коньячку. И полегчало: «всё стало вокруг голубым и зелёным». Главное: до мельчайших подробностей вспомнились события прошедшей ночи. Ведь, если покупатель не наврал, меня теперь ожидали замечательные приключения: всё, что ни пожелаю – и ещё какая-то «мечта всей жизни!» Ну, как тут было не разговеться «по полной»?!

И я «разговелся». «По полной». Проснулся я с лёгким сердцем и тяжёлой головой. Торопиться было некуда: вот уже второй год, как я уволился из фирмы, где занимал должность начальника юротдела. Успел уволиться. И даже – по собственному желанию. Почему так? Да всё просто: фирма «крякнула», а учредители, хапнув своё и прихватив чужое, разбежались, кто куда, подальше от греха и ответственности.

Ну, а я был чист. Как и всякий пролетарий умственного труда. Моя работа легально протекала в судах и арбитражах, на виду у сотен «честных и неподкупных» людей. Я благоразумно ничего не подписывал – даже ведомость на получение зарплаты, ибо получал не зарплату, а гонорары. Те самые – в конвертах. То есть, официально «голодал». Поэтому никаких претензий «товарищи из органов» предъявить мне не смогли.

А хотели: надо же было кому-то заместить отсутствующих учредителей на скамье подсудимых. Однако «заместителя» из меня сделать не удалось. Максимум, что мне могли инкриминировать – это «болванки», какие можно без труда найти в любом сборнике образцов договоров.

К огорчению «правоохранителей», в «болванках» не были проставлены ни реквизиты сторон, ни конкретные условия договора: на то они и «болванки». Предусмотрительность тут ни при чём: просто учредители решили на мне сэкономить. В противном случае пришлось бы «делиться»: господа уже имели возможность убедиться в том, что я – далеко не Павка Корчагин по части бескорыстного «служения долгу».

Ещё в бытность начальником, я подстраховался клиентурой: «на всякий пожарный случай». И после увольнения не остался без гонораров. Плюс – то, что «набегало» мне, как рантье. А печать в трудовой книжке «о постоянном месте работы» шлёпнули друзья. Для удовлетворения любопытства полномочных его проявлять.

Поскольку мне теперь не нужно было спешить – ни по делам, ни от безделья – я мог спокойно выгуливать собаку. Раньше приходилось делать это урывками, наспех, то и дело поглядывая на часы. Но «мог» не означает, что так и оно и было в действительности. Какая же ложка мёда – без бочки дёгтя?! Так ведь и жизнь покажется какой-то однобокой! Не будет полноты ощущения... «ея»!

Увы, но выгул стал для нас обоих целой проблемой. Особенно – для меня. И – не по причине излишней маневренности четвероногого друга. Это бы ещё ладно. Всё обстояло, куда серьёзней: значительную часть парка, где я – с соблюдением всех норм и инструкций – выгуливал собаку, «приватизировали» застройщики элитного дома.

Вначале они «оттяпали» у ребят из станции юного техника площадку для картинга: в этой секции удачно заняли делом трудновоспитуемых подростков – а ведь такие были шалопаи!

Затем – все их «отдельно стоящие подсобные помещения» плюс «часть пустующих земель». И вскоре начали строить. Скромненький такой – как было заявлено – трёхэтажный домик на два подъезда.

В рекреационной зоне, где всякое строительство, как известно, запрещено. Теоретически. Какими-то, там, понимаешь, «инструкциями».

Но мы ведь живём в «правовом государстве», в котором право – это право тех, кому даны права. Или тех, кто наделил ими себя сам. Говорить о праве в ином смысле применительно к обладателям солидных портфелей и кошельков даже как-то неловко. Потому что лишь они являются субъектами права. Его носителями. Объектами права у нас являются другие – те, которые не нажили никакого имущества, кроме «демократических свобод». Вот с ними у власти разговор – короткий. В духе этих самых «свобод».

Вскоре публика с удивлением заметила, что площадь парка начала сокращаться, как шагреньевая кожа – а площадь застройки, соответственно, увеличиваться в размерах. Трёхэтажный домик стал восемнадцатизэтажным, а из двухподъездного превратился в шестиподъездный.

Протест оставшихся честными депутатов – бедные люди! – не оказался «гласом вопиющего в пустыне»: нарушителей немедленно призвали к ответу. Ими оказались... сами депутаты! А чтобы им впредь было неповадно «нарушать», их немедленно освободили от непосильного бремени депутатства. Нашли за что: у нас это – не проблема. У нас ведь при желании можно и телеграфному столбу инкриминировать акт терроризма, наткнись на него «по пьяной лавочке» кто-нибудь из «сильных мира сего».

Депутатов избавили не только от наличного бремени, но и от будущих притязаний на него. Уже как непонятливым кандидатам, им инкриминировали традиционное для таких случаев «преступление»: якобы некоторые из «голосов» не в том месте поставили свои зако-рючки. «Неподкупные» «слуги народа» в очередной раз продемонстрировали свою «неподкупность». «Слуги закона», к которому – не иначе, как в простоте душевной – пытались воззвать правдоискатели, по части «неподкупности» могли ещё и фору дать всем другим «слугам». Потому, что закон у нас – вотчина его слуг.

Возведение по соседству с шестиподъездным домиком теперь уже двадцатичетырёхэтажной громадины являлось как бы дополнительным свидетельством «кристальной чистоты» дел и помыслов всех этих «блюстителей» и «стражей». В результате парк уменьшился до размеров половины футбольного поля. А по растёртым в пыль некогда асфальтированным пешеходным дорожкам, распугивая прохожих, животных и мамаш с колясками, который уже месяц носились самосвалы, бетономешалки, панелевозы и автокраны. И ни один «блюститель», прячущийся здесь от начальственного глаза и преступного элемента, не пытался отреагировать на это безобразие хотя бы укоризненным взглядом: не дай Бог, увидит застройщик, он же – кормилец его начальников!

Зато меня – рядового владельца маленькой собачки, выгуливающего её в нескольких метрах от ревущего самосвала, можно безопасно для себя «призвать к порядку». Ну, как тот фонарный столб. То, что самосвал буквально пятки отдал – это «ладно», а вот хозяин с собачкой – это злостное нарушение общественного порядка!

Уж, как старательно я избегал встреч с этими «господами-товарищами»! Грешным делом, «сердцу не прикажешь»: я люблю... людей, а не этих... «блюстителей». Ну, хорошо – смягчим: я люблю людей мыслящих... головой, а не погонами и не сапогами. Да и энциклопедисты среди господ «блюстителей» мне как-то не попадались. Ну, вот, не повезло. Мне не повезло. Всё больше я встречал на своём пути людей, «мыслящих» дубинками-«демократизаторами». Общение с этой категорией «мыслителей» никогда не входило в число моих приоритетов.

Несмотря на принятые меры, несколько раз я всё же попался. Старательно отводя взгляды от незаконно возводимых строений, «блюстители» цепляли ими меня. Но я их за это

не осуждаю: сам виноват. Не сориентировался в обстановке. Неправильно определил расстояние до ближайших кустов. Не рассчитал скорость.

Меня застигали, можно сказать, *in flagranti delicti*: на месте преступления. И вот до чего противный характер. У меня. Нет, чтобы повиниться, дать слезу, порыдать на тему «Прости, дяденька, застранца!» – я непременно «лезу в бутылку». Обязательно начинается «обмен мнениями». Удивляюсь, как меня до сих пор не «привлекли»: только однажды пришлось раскошелиться «на штраф». Из кармана – в карман. Хорошо ещё, что хватило ума не требовать квитанции – а не то я сейчас писал бы не эти записки, а письма из «учреждения закрытого типа»!

Проходя мимо «новостройки» – иначе и не пройти – я, как всегда, бросил взгляд на верхний этаж. Сегодня там околачивался весь «бомонд» застройщика. Это было заметно уже по одному лишь «парадному дефиле» «крутых тачек» внизу. Застройщики вели себя как зондеркоманда в захваченном городе – и не только не скрывали, но и всячески подчёркивали это.

И тут я размечтался. В своём стиле. Как это я делал всегда, «проходя мимо».

«Ты уйдёшь через десять секунд вместе со всем, что находится за забором. Время пошло!» Эх, если бы это пожелание сбылось: разом бы навели порядок! Жаль только, что не сбудется...»

Мы с Шарлем уже сделали дюжину шагов, как вдруг я услышал за спиной характерный звук, напоминающий шум скоростного лифта. Я оглянулся – и увидел, как последние этажи уходят под землю вместе со всем содержимым. Уходят так мягко и быстро, словно тонущий пароход в кинохронике. Через мгновение на месте, которое только что занимали почти достроенные дома, находилось... просто место. Пустое место. Ровная площадка, без строительных материалов, оборудования, инструментов, техники. И без строителей. Без всех этих «излишеств». Вместе с ними исчез и забор, отхвативший львиную долю парка.

У пустыря мигом собрались зеваки – так что моё изумление быстро «обезличили». Народ ничего не понимал. То есть, был адекватен себе. Никакого «научного» объяснения «феномену» у публики не находилось – даже если бы его искали. Городишко наш не имеет под собой ни карстовых пустот, ни подземных морей. И от ближайшего геологического разлома мы находимся на удалении двух тысяч километров. Вот, разве, что угольные пласты... Так под городом никогда не велась выработка.

Народ был потрясён: хоть какое-то развлечение для простого люда. И потрясение его было каким-то здоровым, оптимистичным, бодрящим. Потому, что для «совка» нет ничего приятнее неприятности для буржуя. Да и зрелище впечатляло – пустотой и её размерами.

И только тут до меня начало доходить, что всё случилось на счёт «десять» с момента команды «Время пошло».

«Вот те раз! Нет: совпадение... Не может быть... А вдруг?! Тогда нужна дополнительная проверка!»

Цинично? Ну, зачем так уж сразу! Хотя почему-то я не рвал волосы на голове. И вряд ли – из экономии. Да и не до лирики было: глаза мои, словно магнитом, притянуло к «дефиле» «крутых иномарок».

«Пусть они все уйдут под землю! Через пять секунд! Время пошло!»

Отдав команду, я впился глазами в ближайший ко мне «лексус».

Но ни через пять, ни через десять, ни двадцать секунд ни он, ни его столь же «благородные коллеги», не исчезли.

– Не понял... – не понял я. Вслух не понял. Пугаться непонимания моего непонимания окружающими не стоило: все тем только и были заняты, что «не понимали». Все вместе и каждый в отдельности.

«В чём дело? Время установил... Команду дал... Желание заг...»

Я с размаху влепил себе по лбу. И уже – не мысленно.

«Желание! Есть ведь строго определённая формулировка! Как там... Ч-чёрт... Ну, загадал же я как-то, чтобы эти дома провалились под землю?! Тьфу, ты!.. Ага: „Ты уйдёшь через столько-то секунд“. Вот оно – „дорожное напутствие“ на все случаи жизни!»

Занятой «охами» публике не было до меня никакого дела. Тем лучше: никто не помешает спокойно поработать.

«О, кей... В таком случае: «Ты уйдёшь через три секунды!»

Я уставился взглядом в «лексус».

«А вы...»

Взгляд скользнул по рядам иномарок.

«Через три секунды от него, с интервалом в три секунды друг от друга, слева направо! Время пошло!»

Прямо как «К торжественному маршу... побатальонно... на одного линейного дистанции... равнение направо... управление прямо...»!

«Ну?!»

На счёт «три» «лексус» вместе со стоящим рядом пижонистым водителем дематериализовался. Так, будто его и не было. А за ним, словно элементы последовательного соединения, начали исчезать и все остальные. И – тишина. На всё ушло секунд тридцать, не больше. Как это, там, у поэта: «Нечеловеческая сила земное сбросила с Земли»? Очень верно – особенно насчёт «нечеловеческой силы». Почему-то подумалось: её работа.

Вот теперь толпа, уже начавшая утомлять своей обыденностью, пришла в движение. С воплями все бросились врассыпную, совершенно необоснованно возводя себя в ранг следующих жертв неизвестной стихии. Можно было спокойно подводить итоги.

Что я чувствовал, восстановив статус-кво парка? Боюсь показаться циничным – но лишь то, что статус-кво восстановлено. Всё. А то, что на его пути оказались те, кто... оказались, то это – их личный выбор. Никто не заставлял их лезть сюда со своими миллионами. Мы ведь живём в демократической стране: они сделали свой выбор, я – свой. И чей-то должен был стать преимущественным: такова диалектика бытия. Вт так: «всё, что было загадано, в свой исполнится срок». Буквально, то есть.

«Буквально»!

Я обомлел: «Хозяин! Это же – его: «Я обеспечиваю исполнение. Буквальное»! «Значит, исполняться будут именно ТАКИЕ мои пожелания – и именно ТАК?! Буквально?! Вот это номер! И назад не отыграешь: сделка состоялась! Ну, дела!»

Да, мои желания действительно носили специфический характер. Так уж сложилось «исторически». По причине неутолимой жажды справедливости и «революционного романтизма». В духе Робеспьера и замечательного изобретения талантливого инженера Гильотена. Но в желаниях моих не было ничего «чикатилистого». Я только загадывал их. В формулировке: «ты уйдёшь через столько-то секунд». Исполнение никогда не было для меня приоритетом. Это были, скорее, мечты, а не желания. И желал-то я – в исключительных случаях. Когда допекут. А так... «Мы мирные люди – но наш бронепоезд...» Я всегда стремился «отклоняться на безопасном расстоянии».

«Отклоняться...» А это – идея! Если сбылось одно желание, то, может, сбудется и другое – то самое, которое постоянно возникало у меня при виде «блустителей?».

На всякий случай, я «стрельнул» глазами по сторонам. «Стрелять» было не в кого: «мишени» давно уже рассредоточились, оглашая парк воплями и оживлённым пересудом. Тогда я взял Шарля на руки и выглянул за поворот.

– «Там!»

«Там» – это дома! И ведь свершилось! Чудеса, да и только!

«Нет, не чудеса: договор вступил в действие. Секундомер включён, как говорят спортсмены».

Странное ощущение: вроде и радоваться надо, но... Если это и праздник, то лишь тот – «со слезами на глазах»... Или, вот, ещё говорят: «светло и грустно». Раньше смеялся: если «светло», то отчего же «грустно»? Теперь – не до смеха.

«Ну, что ж: „взялся за гуж...“ Как это у Есенина: „к старому возврата больше нет“? Значит – только вперёд»...

Глава четвёртая

Осознание факта было неоднозначным. Но осознание не мешало факту иметь место быть. Похоже, открывалась новая глава моей жизни. И, увы – заключительная. Оставалось лишь верить: настолько долгая, чтобы Хозяин извёлся в ожидании.

Было, о чём задуматься. Перемены намечались во всём: в режиме дня, в *modus vivendi*, в *modus operandi*, в мыслях и взглядах на жизнь. Ничего удивительного: такие возможности! Я всегда их желал – но теперь немножко страшился. Страшился последствий: уж, больно нестандартными были некоторые мои желания!

Имелся и ещё один момент: за всё надо платить. И по высшей мере. Отсюда – вопрос: стоит ли, в таком случае, размениваться на «раздачу хлебов и рыбин»? (Были у меня и такие мысли. «Общечеловеческие». Когда-то. Не дай, Бо... словом, вдруг и их Хозяин обратил в желания?)

Ну, уж, нет: «моё – это моё!», как сказал один средневековый товарищ. Понимаю, что совсем не похожу на Робин Гуда, но открою небольшой секрет: в робин гуды я и не лезу! Не стоит жертвовать своей душой для того, чтобы облагодетельствовать неблагодарное человечество. Наверняка отыщется тот, кто попрекнёт тебя твоим же даром: люди, известное дело – сволочи. Кому-то не достанется горбушки, кому-то – горбуши, а крайним будет, как всегда, дурак-донатор! «Entschuldigen Sie, bitte, но никаких bitte!

В процессе раздумий мой взгляд случайно упал за окно. Прямо на группу «товарищей господ» из городского начальства. Чиновничий «пейзаж» зачем-то оживляли пожарные. Словом, классика. На тему «демократического реализма»: «не стая воронов слетелась!» Как всегда, оправдано было лишь присутствие начальников: их мёдом не корми – дай продемонстрировать «единение с народом». Перед телекамерами. Вот и сейчас «ставленники-избранники», старательно пряча отсутствие мыслей – в том числе, и друг от друга – изображали это самое «единение».

Последними, как водится, явились те, кому положено являться первыми. Нет, речь – не о чертях: о спасателях. Компанию им составляли буровики и геодезисты. Зачем-то. Опередившим их чинам представился лишний повод «порадеть за народ». Перед камерами. По получению обязательных, но совсем не обязательных «указивок», служивые приступили к замерам и взятию проб. Судя по их выразительным ромам, им стало ясно, что дело – тёмно.

Первозданный целик с изначальной плотностью и структурой, совершенно не потревоженной устроителями «нулевого цикла», не давал оснований для другого вывода. Это лишало возможности использовать «домашние заготовки». В качестве версий. А о том, чтобы приступить к подвигу, и речи быть не могло. Место было совершенно необорудованным для героических дел: ни пожара, ни наводнения.

Несостоявшиеся спасители сразу поняли, что им надо делать.

А именно то, что делать им здесь было решительно нечего. В отличие от начальников, им полагалось работать, а не надувать щёки. Они и с замерами особенно не напрягались: как-то поняли, что «не замеряется». И, получив на дорогу «добрых напутствий», вскоре отбыли на менее значимые места происшествия, куда чиновничья нога обычно не ступает. По причине доверия к специалистам своего дела.

В отличие от спасателей, я знал глубину залегания «вещдоков». Точнее, я знал – от Хозяина – что не было ни глубины, ни залегания: дома вместе с «содержимым» и «приложением» прошли мантию и пополнили собой массу ядра. По причине температурного режима последней – вряд ли надолго. Только не надо обзывать меня мизантропом! Мизантроп ненавидит всех, а я – некоторых... не люблю. Даже не так: я люблю некоторых. Людей. Собаку свою,

например. Потому, что чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся животные... Кажется, забыл поставить кавычки... Но плагиат – вполне уместен: по существу.

А за «мизантропа» можно даже... нет, не схлопотать по шее: вступиться! Да-да: вступиться! Ведь что такое «мизантроп»? Это – просто философский взгляд на жизнь. Своеобразный, неординарный, экстравагантный – но всего лишь взгляд на жизнь. Или же все должны изображать из себя праздничный плакат? Так это, насколько я знаю, сценарий для райских поселенцев. Там, под руководством строгих «дирижёров», «везунчики» и будут сутки напролёт отрабатывать свой «счастливый билет»: не одним же серафимам надрываться?!

Положа руку на сердце: ну, какой я мизантроп? Человек я – тонкий, деликатный, ранимый. А душа у меня – как цветок... который всякая сволочь норовит затоптать сапогами! А я ведь прошу одного: «ребята, давайте жить... порознь!» Я вас не трогаю, вы – меня! Нет: всё время пытаются «охватить» и «вовлечь»! Всё время пытаются навязать своё общество! А я не хочу быть членом общества!

Конечно, я согласен с Марксом: невозможно жить в обществе и быть свободным от него. Согласен. Полной свободы от общества, о которой мечтал ещё Антисфен, быть не может «по определению». Так я не максималист: дайте хотя бы частичную! Не дают... О какой уж, тут, любви может идти речь? И какой человек, если только он человек порядочный, сможет после этого «крика души» обозвать меня «мизантропом»?!

Но пока я реабилитировал себя философически, на стройке тоже были заняты делом: искали... «козлов отпущения». А для чего ещё у нас создаются комиссии? Искали их недолго: по причине отсутствия. Потому, что для обнаружения требовалась хотя бы половинка кирпича, в которой, по сценарию, должны были иметься производственные дефекты и нарушение технологии. Но не было и половинки! Ничего не было!

А вот траурный митинг был. На месте гиб... исчезновения объекта. В отсутствие «козлов» всё списали на стихию. Это она, как всегда, некстати «показала свой нрав» и «вырвала из наших рядов»... Здесь ораторы, все, без исключения, запинаясь. И в самом деле: их ряды были тесны, как никогда. И с каждым днём «теснели» всё больше. Это – к вопросу об «оптимизации управленческих структур и административного аппарата».

Был ещё один деликатный момент: в списке выбывших значились одни только «гости нашего города». Незваные «гости». Нелегальные. Да и списка, как такового, не было: помянули лишь тех, кого вспомнили. «Трудовой коллектив», как оказалось, менялся каждый месяц: так дешевле. Для застройщика: эти дяди и тётки считать умеют.

И, потом, кругом только и слышно: нелегальная миграция, нелегальная миграция! Прямо, корень всех бед: тут тебе и рост преступности, и пьянство, и наркомания, и проблема трудоустройства «коренных», и нарушение трудового законодательства! Впору было задаться вопросом: может, не траурные мероприятия надо проводить, а торжественные? По поводу частичного решения проблемы? И я бы даже сказал больше: по поводу обнаружения способа её решения? А?

Вероятно, эти мысли в той или иной степени посещали головы всех ораторов. Свидетельством тому было полное отсутствие минора на их откормленных рожках. «Но, сколько чего-нибудь в одном месте убавится, столько же того же прибавится в другом». Это – по части минора в мозгах претендентов на вчера ещё элитную площадку. Кончились претенденты. Нет: только как претенденты – не подумайте, «чего»! Поэтому её – площадку, то есть – «за ненадобностью» вернули кружку юных картингистов. Вот уж, кто порадовался «разгулу стихии»!

Даже «богобоязненные» старушки после многолетних «посиделок» на паперти дружно заключили: «Есть, всё-таки, Бог!» Не знаю, правда, как Господь воспринял отнесение этих дел на свой счёт – но немедленных санкций в отношении бабулек не последовало. Может, решил отложить «на потом»? А, может – и мне это как-нибудь зачтётся? В части положительного сальдо?

«Миль пардон, Хозяин: вырвалось! Помимо желания! Ради Бо... Тьфу ты... не подумайте только, что я «работаю на два фронта».

Вскоре в городе таким же странным образом исчезли ещё несколько незавершённых строительством «объектов элитной недвижимости» на элитных же участках в самом центре. Некогда – по недогляду или благодушию чиновников – они «исполняли обязанности» детских площадок, палисадов и даже мест под контейнеры с мусором: возмутительная расточительность! Как и в первом случае, причину исчезновения удалось определить быстро: «неизвестный фантом природы».

И ещё – по поводу «объектов элитной недвижимости». Тех самых, что ещё не были охвачены работой. Моей работой. «Вразумлённые» странной избирательностью «неизвестного фантома», все «богатенькие нашего города» стали в «пожарном порядке» сворачивать активность – и не только в центре. Причина такой невероятной «порядочности» была проста: все они получили право на застройку, ну, очень «законным образом».

Как результат, площадки вернулись их прежним хозяевам. Больше всего «великодушию» застройщиков радовались дети. Да и остальной народ, наконец, смог наглядно убедиться в том, что не все предприниматели – «сволочи, как один!» Оказывается, находится один, который не сволочь. А то и два! Те самые, кто добровольно, не требуя возврата давно потраченных взяток, содействовали восстановлению справедливости! Ура бизнесменам! Виват!

В итоге все оказались довольны. Даже несостоявшиеся застройщики, ибо они так же не состоялись и как покойники. Тут уж грех жаловаться. На короткое время в городе воцарилось «общественное согласие». Демократия победила «демократов».

Глава пятая

Чего больше всего хотят люди: лицемерие отдельных экземпляров – не в счёт? Думаю, что не ошибусь с ответом: денег. Точнее: больших денег. Я – не исключение: в стандартный набор моих грёз входили мысли и на эту тему. Мысли не о финансовом достатке, но о таких суммах, которые можно тратить, не оглядываясь на завтрашний – и даже послезавтрашний – день.

Конечно, не рублём единым жив человек. Согласен: и долларом – тоже. И евро. И фунтом. И швейцарским франком. И прочей конвертируемой валютой. И даже давно не существующим обеспечением: золотом и другими активами. Ибо деньги – это... Это – ДЕНЬГИ! (Все буквы – заглавные!)

Но для нас, эстетов и интеллектуалов, деньги выполняют не только функцию платёжного средства: они – один из фундаментов души. Одна из её опор. Именно благодаря этим маленьким кусочкам волшебной бумаги мы и имеем возможность удивлять мир своим эстетством и интеллектом.

Значит, надобно соответствовать. А какой же я эстет... со старым компьютером? Конечно, можно купить новый. Но ведь это – тысяча долларов! И не «дядиных», а своих?!

Да, как у эстета, у меня высокие духовные запросы. Правда, если Присыпкин у Маяковского мечтал о зеркальном шкафе, то я мечтал о ноутбуке. Ну, как мечтал: хотел приобрести – а тысячи долларов жалко. Мечта на уровне кошелька на дороге: открываешь – а там... Ну, а дальше всё будет хорошо.

Поскольку «кошелёк на дороге не попадался», а свой открыть я так и не решился, пришлось обратиться к мыслям. На тему спонсоров. Может, экспроприировать экспроприаторов? Восстановить справедливость «в натуральной форме»? Неэстетично: какие же мы после этого интеллигенты? «Взять» банк? Тоже, как-то... не очень. Я бы ещё согласился взять – но только «из». Из банка. Разумеется, на безвозмездной основе. Лучше всего – негласно. Но...

Стоп! И вот тут я остановил течение мыслей: выход был найден. Вместе со спонсором. Итак – только заимствование. Безвозмездное. У кого? Да у любого «богатенького» – у кого же ещё? Основание? Сколько угодно! Да, вот, хотя бы книга «Акулы капитализма» из романа «Золотой телёнок». Та самая, которую Остап Бендер презентовал Корейко. Даже не вся книга, а только одна строка в ней: «Все крупные современные состояния нажиты нечестным путём». Вопросы? Какие, ещё вопросы: экспроприируя экспроприатора, я частично восстанавливаю справедливость. Пусть только – в отношении самого себя.

Поскольку я – человек порядочный, непьющий и некрадущий, то универмаги и прочие бутики исключались полностью и сразу.

Следовательно, кроме как в пункт сосредоточения значительных денежных масс, мне и идти было некуда.

Почему так многословно и неконкретно: «Пункт сосредоточения...»? Не проще ли сказать: в банк? Согласен: проще. Только банк я оставлял «на сладкое». Туда надо идти, потренировавшись на объектах помельче. Например, на валютном «обменнике». А что тут такого: дело для меня – новое, неосвоенное. Поднабраться опыта не помешает.

Ровно в полдень я взглянул на часы: был ровно полдень.

– Пора... на работу.

«Обменник» я присмотрел заранее: несколько месяцев тому назад менял там крупную сумму денег. Крупную для меня: цифру называть не буду, а то ещё засмеют... некоторые. Так вот: «обменник» мне сразу понравился. Своей солидностью. Солидностью своих клиентов. Все основания для экспроприации были в наличии. И мысль об этом мелькнула у меня уже тогда. В виде готового решения.

Сейчас мне нужно было лишь освежить в памяти «детали интерьера»: расположение входных дверей, кабинок, окошек, сейфов, наличие и устройство служебного входа. Всё остальное: выход на объект, акт экспроприации и отход – обеспечивала нечистая сила. Согласно условиям договора. Джентльменского соглашения, если быть точным.

«Там!»

Какое, всё-таки, неудобство! Нет, чтобы – как у всех нормальных людей: пожелал – и вот он, предмет желания! Перед тобой! Увы, но грешить следовало только на себя: недоработал в своё время. Перестарался по части оригинальности. Желания исполнялись в точном соответствии «с буквой» и «духом». А чтобы «как у всех нормальных людей», то и желать надо было по-простому. Без «Там!» и прочего. Например: «Хочу сладких груш! Можно – с мёдом».

Но качество перемещения – отменное! Ничего не скажешь: и сам не заметил, как переместился. Только что аккуратно приклеивал слюной волоски к залысине – и вот уже стою в коридоре «для служебного пользования». Дверь служебного входа – за спиной. Дверь в одну из кабинок – прямо перед носом. Значит, сейф – правее. Носа.

А вот – ещё одно неудобство. Хозяин оказывает содействие только в доставке тела, но не в уточнении координат объекта. То есть, «попадание в кол», как говорят ракетчики, вовсе не гарантировано. Очень неудобно. Но опять же: всё – по закону. По договору, то есть. Ведь в пожеланиях о координатах ничего не говорилось: я мечтал только о беспрепятственном «выходе на объект». Мечтал? Получите!

Но что-то же я должен бы сделать сам? Своими руками? Точнее – глазами? Ещё точнее – мозгами? Вот и сделал – а дальше всё пошло, как по маслу. Точнее: как в масло, поскольку рука моя вошла в стену, как нож – в масло. В растительное. Но точно не в масло: не чувствовалось сопротивления. Вообще. Нулевая потеря тепла. Как в сверхтекучей среде – мечте всех физиков и энергетиков.

Порадовал и момент выноса. Как будто я не через стену его совершил, а взял деньги «с парадного крыльца».

«Кюпюры!»

В руках у меня лежали пачки долларов. Стандартного наполнения. По десять тысяч – в каждой. Но радовался я недолго: вдруг стало стыдно. Ужасно стыдно. И не за бесцельно прожитые годы, а за одну лишь минуту. За неверие в собственные силы. За мелкотравчатость. За то, что я размениваюсь на пустяки и, вместо того, чтобы грабануть... тьфу, ты, что я говорю: обслужить банк, залез... зашёл... ну, был занесён в ничтожный «обменник»! Стыд-то, какой! Это я-то, эстет и интеллектуал: нет, чтобы сразу взять миллионы – так позарился на какие-то гроши, недостойные масштабного человека!

С лицом, разьедаемым краской стыда, я немедленно восстановил «статус кво». И даже успел разобрать смену воплей за стеной: с горестных – на изумлённые. Результат моих манипуляций явно не остался незамеченным. Итог: ноль – в карманах, горький осадок – в душе, и ненужное «паблисити»!

«Там!»

Я вернулся домой: сегодня ни о какой работе не могло быть уже и речи. Мы, интеллигенты – настолько ранимая публика, что способны «жевать сопли» даже при полном их отсутствии. Следовало успокоиться, забыть и забыться. И я решил эту триединую задачу – при помощи всего лишь одного средства. Какого? Да коньяка – какого же ещё! Вечной «палочки-выручалочки» интеллигентного «че... ка». «Эликсира жизни», можно сказать.

«В банк! Только – в банк! И только – в государственный, иначе я себя уважать перестану... ну, или не начну...»

Это я думал уже на следующее утро: вечером мне действительно удалось забыться. Всего лишь за одну бутылку! Теперь же во мне воскресли лучшие качества индивидуума: наглость, нахрапистость, эгоизм в степени эгоцентризма, наплевательское отношение к трудностям и их

носителям. С качествами воскрес и я. Вот таким можно идти на дело. Даже не так: таким ТОЛЬКО и можно идти на дело!

В мыслях я уже неоднократно «проворачивал» эту операцию, поэтому никаких сюрпризов Хозяин подкинуть мне не мог: желания-то должны исполняться буквально! Я знал об этом банке всё, что следовало знать. Ещё совсем недавно я был частым гостем в этом учреждении. Нет, не в качестве клиента: в качестве друга. Не банка, разумеется: моей подруги, которая имела на меня виды. Напрасные, к слову. Но это было не единственным её достоинством. Куда более значимым для меня являлось то, что она работала начальником отдела. Не помню уже, какого – да это и не важно в контексте решаемой мной задачи.

Статус «женишка» «невесты» -начальницы позволял мне относительно спокойно «определяться по месту». Со временем я научился ориентироваться в лабиринте банковских коридоров и тупиков: какой дурак только его строил?! Тут не только данники Миноса – но и сам Минотавр заблудился бы и сдох от голода!

Единственное, чего я так и не смог выяснить: где точно находится хранилище? Ну, не станешь же пытаться «невесту» – а прямо спросить неловко: интеллигентность вкупе с осторожностью. Я узнал лишь то, что, что хранилище располагается где-то у чёрта на куличках. Но координаты означенных куличек выяснить не удалось: чёрт почему-то молчал. Наверно подумал, что таким хитрым способом я хочу нарушить условия договора: «что заказал, то и получил».

Пришлось частично демаскироваться, чтобы узнать, что хранилище – под кассой, а касса... Нет: не «в яйце» и «не в зайце»: у чёрта на куличках. Но теперь я мог посмеяться над чёртом: координаты этих куличек имелись на плане. На плане эвакуации из помещения в случае пожара. «Глубина залегания» меня не волновала: я – не налётчик, не террорист и применять буры, автогены или взрывные устройства не собирался. Мне – хоть метр толщина стен, хоть километр – всё едино. Требовались всего лишь точные координаты: широта и долгота. В таком случае Хозяин вынужден был бы доставить меня по адресу, которого я не мог представить себе визуально.

«Там!»

Я уже открыл рот, чтобы подать команду, но передумал. Сегодня предстояла нестандартная «телепортация»: я ведь так и не узнал место нахождения хранилища. Следовательно, обычный «там!» отменялся: появиться в банке «в лице» я не могу. Увы, но статус «женишка» имел и обратную сторону – а у меня сегодня не было времени на любезности.

Таким образом, предстояла необычная транспортировка: по другому измерению. Не спешите крутить пальцами у висков.

Это – не бред и не фантазия: это – моё желание. То самое, которое должно буквально исполняться Хозяином. Согласитесь, что фантазия и желание «в таком контексте» – это далеко не одно и то же.

Теперь я мог спокойно дать команду – чтобы тут же оказаться... над банком. Точнее: в банке, в одном из его коридоров – только на высоте трёх метров от пола. Почти под самым потолком. И ещё зазор оставался: хорошо, всё-таки, строили при «проклятом сталинизме»!

Я висел... стоял... находился на странной опоре, сквозь которую мог видеть абсолютно всё происходящее внизу – да так ясно, как не увидишь и сквозь стекло. «Почва», что была сейчас подо мной, не имела ни вида, ни формы, ни плотности. Всюду, куда только мог достать мой взгляд, не было ничего. Вообще ничего: в наличии имелась лишь пустота, стопроцентная в своей стерильности и прозрачности.

Ощущение – необычное: как будто стоишь в воздухе. Ладно бы: «висишь» – «плавали, знаем!» – а то ведь именно «стоишь»! Как на земле! И, несмотря на то, что под тобой нет никакой опоры – опора есть! Ну, то есть, ты понимаешь, что она есть... должна быть – иначе бы ты уже пошёл по головам! Ты понимаешь это – но не чувствуешь её! Совсем!

«Где-то подо мной» роились «стада» огромных разномастных мух. Параллельно мне – словно из другого мира.

«Так вот ты какой, цветочек аленький?»

Всюду, куда только доставал глаз, не было ничего. Даже классического тумана из фильмов ужасов. С туманом – всё не так одиноко, особенно если за ним прячется какой-нибудь Фредди Крюгер с набором слесарных инструментов. Но тумана в наличии не имелось. Всё было ясно, светло и прозрачно. Как в залитой галогеном стерильной операционной – только без оборудования, инструментов, окон, дверей и стен. «Без ничего». Куда ни взгляни – стерильная пустота.

Так как здесь глядеть было не на что, я взглянул вниз.

«Ба: да это же – касса! Ну, и точность!»

Сама касса меня не интересовала: мой интерес лежал несколько ниже. В буквальном смысле.

«Вниз!»

Ага: хрен, там! Ни спуститься, ни наклонить «измерение» хоть на градус, чтобы спрыгнуть: зря пытел! «Измерение» тянулось строго параллельно объекту. Точнее, его плоскости. Ни о каком «вверх-вниз» даже на градус и речи быть не могло.

«Похоже, этот параллельный мир – всего лишь эквивалент „шапки-невидимки“: залез – и спрятался... Других функций у него нет... „Шапка-невидимка“ -то тоже предоставляет всего лишь одну услугу...»

Оставалось только одно: дать команду «Там!» Правда, я не вполне представлял себе, где это «там», но отправляться на его поиски у меня не было ни времени, ни желания.

Так я думал и в порядке самооправдания – можно было подготовиться и получше – и для предъявления «объективных трудностей». Главный же мой недочёт заключал в том, что ещё Киса Воробьянинов определил словами: «хочется поскорее». Уж очень не терпелось мне стать обладателем миллионов – отсюда и «брачок» в подготовке.

«Там!»

«Это я удачно зашёл!» – мелькнуло у меня в голове: рот был занят изумлением. – «С призыванием Вас, уважаемый банк!»

И это – не шутка: «детали интерьера» наглядно свидетельствовали о том, что «нашего полку прибыло». Я бы даже сказал точнее: «нашим полкам прибыло!» И – совсем недавно. Да и перед кассой не случайно толпился народ «солидной наружности»: сегодня явно обслуживали банки второго уровня, что уже само по себе – уровень!

Хотя и без «свежака» я бы не остался внакладе: в банке всегда имелось в наличии «энное» количество денежных знаков. Это я узнал – «так, между прочим» – у подружки. А поскольку «по сценарию» я могу унести с собой лишь то, что могу унести с собой, то мне вообще не о чем было беспокоиться.

Но «свежее» пополнение, не скрою, бодрило. Насколько я узнал – опять же от подружки – купюры с большим количеством нулей всегда пользуются спросом, уходят быстро и в наличии бывают не всегда. Я готов был взять всё, что мне мог «предложить» банк – но теперь я мог взять только то, что хотел: купюры в пятьсот евро и в пять и десять тысяч рублей. Это сразу даёт приличную сумму и очень удобно в плане транспортировки: в одной пачке купюр номиналом в десять тысяч рублей – миллион! Солидно. Как минимум, солидно звучит. Да и пятьдесят тысяч евро в одной пачке тоже – не «кот начхал», как выразился один киношный интеллигент. Я, интеллигент настоящий, выразился бы иначе – и не на тему кота: «не хрен собачий».

Глаза мои не разбегались. Они «твёрдо знали», на что смотреть. Из всех деталей интерьера меня, как и любого нормального человека, могли заинтересовать только стеллажи с мешками.

«За работу!»

Поскольку «измерение» всё время торчало на одной высоте, и не выказывало ни малейшего намерения изменить своё положение ни на дюйм, ни на градус, пришлось тянуться рукой. Дотянулся. Вытянул – и затынул. В измерение: а где ещё заниматься «бухгалтерией»?

Сумка была «классического наполнения»: сто пачек по сто номиналов в каждой. Купюры – по десять тысяч рублей каждая. То есть, всего на общую сумму в сто миллионов рублей.

«Согласен: беру!»

Что же до валюты, то «растекаться мыслью по древу» не стоило. Да и о харе не мешало подумать: не ровён час, «треснет». От избытка удовольствия. Ибо сказано: «жадность фрайера сгубила».

«Не много ли товару взял, Абдулла?»

Должен заявить со всей ответственностью, как человек, теперь уже бывалый: разместить на себе сто пачек по сто «листов» в каждой – задача нелёгкая. В прямом смысле. Своя ноша, конечно, не тянет – но... тянет – и ещё, как! Я загрузился так, что напоминал собой монструозный гибрид Квазимодо и завсегдатая пивных. Хорошо ещё, что «продержаться» нужно было только до подачи команды «Там!»

И я уже изготовился её дать, как вдруг бронированная дверь медленно, с классическим «страшным» скрипом отошла в сторону – и несколько здоровенных мужиков в банковской униформе, громыхая «трёхэтажным» матом, ворвались в хранилище. Не меньше трёх минут они пальпировали миллиметровые зазоры между бронированной стеной и такими же стеллажами.

– Тут никого нет...

Я аж вздрогнул: звук у моего «телевизора» был так же хорош, как и изображение.

– Но я же ясно видел, как чья-то рука из-за...

«Очевидец» замялся.

– ... которая схватила сумку и утащила её... куда-то...

– А сумка? Сумка на месте?

Это подключился третий. Его участие в поисках ограничивалось раздачей указаний и матерков. Начальник, стало быть. Но вопрос был «несколько излишним»: он стоял на сумке. Спрашивать нужно было о содержимом. Точнее – уже не нужно было.

– Комиссию! Живо!

«Е... твою!»

Это я – про себя и о себе.

«Как же я так лопухнулся?!»

Только сейчас я заметил глаз камеры слежения. Маленькой, такой – но это не оправдание. Воистину: «золото ослепляет»!

«Незнайка-очевидец» пулей вылетел в коридор. Вскоре прибыла комиссия – если этот галоп запыхавшихся толстух и толстяков можно считать «прибытием». Составив компанию начальнику на мешке, который я, пижонясь, сбросил «с тучи», комиссия как-то сразу установила, что мешок пуст. Профессионалы – что тут скажешь.

– Составляйте акт, а я звоню в госбезопасность, – подвёл итоги управляющий. – Чертовщина, какая-то...

Пока составляли акт, я успел «смотаться» домой, разгрузиться и вернуться в исходную точку: всегда любил фильмы про шпионов. Ну, там где «наши» – умные, а все остальные – остальные.

Словно оправдывая мои надежды, гэбэшники старались вовсю. Они подпрыгивали и подтягивались, подныривали и пластались, будто и в самом деле намереваясь просочиться в микроскопические зазоры, в которые не всякая блоха пролезла бы. Они так усердно имитировали кипучую деятельность, что я даже пожалел их.

Исчерпав лимит зазоров, «товарищи из управления» оставили «ужимки и прыжки» – и вернулись к просмотру видеозаписи камеры наблюдения. Я тоже «подключился».

– Ну – рука же! – не выдержал один из «оперов». – Рука живого существа! Голову даю на отсечение!

Усекновения не требовалось: «существо» как раз в этот момент в очередной раз материло себя за неосмотрительность.

– Да х... с ней, с рукой!

Управляющий явно предпочитал детективам прозу жизни.

– Куда делись деньги? Сто миллионов рублей – это вам не хрен собачий! (Подобно мне, управляющий был настоящим интеллигентом).

Ответом ему было дружное молчание. «Такие вопросы спрашиваете – прямо неудобно отвечать!» Иных ответов на такие вопросы – заданные с куда больших «высот» и в отношении куда больших сумм – не находится даже в столице. Что уж тут говорить за такую мелочь – пусть даже она и «не хрен собачий»?!

Глава шестая

Я – человек, как правило, мирный. Сам никого не трогаю. Первым. И того же жду от всех остальных. «Давайте не пересекаться!» Именно таким принципом я стараюсь руководствовать во взаимоотношениях с «внешним миром». То же самое «мирное сосуществование» – но на уровне отдельных лиц.

Но «внешний мир» и «отдельные лица» совсем не хотели руководствоваться этим принципом во взаимоотношениях со мной. И если я не стремился к «контактам», то они поступали с точностью «до наоборот». Особую активность проявляли две категории: «хозяева жизни» и их обслуживающий персонал... Я хотел сказать: «и блюстители».

Эта публика никак не желала соответствовать моим взглядам на «мирное сосуществование» «в параллельных мирах». Её навязчивое общество становилось порой... навязчивым. И почему-то именно мне так крупно «везло». Может, «везло» и другим – и даже наверняка – но это уже их проблемы. Как говорил Ницше: «Какое мне дело до остальных? Остальные – это человечество».

Теперь в любой момент какой-нибудь «прохожий в виц-мундире» мог пожелать составить мне компанию. И никакая это не паранойя, не фобия, не мания и не сглаз: дело – не во мне, а в «прохожих». Это ведь они считают, что могут из открытой «амбразуры» своего «ровера» «куртуазно поздороваться» со мной: «Эй, ты, скока время?». Или «пройтись» по поводу внешности моего «француза» – не будучи членами выставочной комиссии. Для них это так же естественно, как для кобеля справить нужду под деревом. На глазах у толпы.

К слову – о собаке. Я уже говорил о том, что выгул Шарля с некоторых пор превратился в ответственную боевую задачу. Для меня. Потому, что это он гулял, а я бдел. Стоял «на стрёме». Ходил «на стрёме». Бежал «на стрёме». Это для него прогулка – прогулка. А для меня – боевое дежурство. Так и жди, что из-за куста вынырнет какая-нибудь личность – теперь ведь все «личности» – и начнёт «охранять общественный порядок». Я, конечно, понимаю, что разезать хайло на интеллигентного прохожего с собачкой – это много опасней, чем вступить в единоборство с бандой вооружённых негодяев, «с пушками и базуками»! Так и не связывались бы: себе дороже!

Поэтому, ещё издалека завидев потенциального «блюстителя», я тут же разворачивал Шарля на какую-нибудь «нехоженую» тропу. Подальше от контакта – и не всегда только словесного: знаю я эту публику. Правда, себя я тоже знаю. И это ещё вопрос, кто «контактней». Но у меня хотя бы есть «железное» оправдание: не я ведь начал!

Сегодня всё было, как обычно. Нас с Шарлем едва не задавил очередной «крутой» на своём «навороченном» «джипе». Нам пришлось обходить «десятой дорогой» обнаглевших мамаш с колясками и пенсионеров с клюками: и те и другие никак не могли поделить остаток парка между собой. При этом ни одна из категорий не считала участником дележа нас с «французом».

Наконец, в довершение всех «радостей», мы не смогли уклониться от встречи с «блюстителями». Конечно, можно сослаться на бурьян в рост человека. На солнце, которое слепило глаза. На мамаш и пенсионеров, отвлекавших внимание шумным выяснением отношений друг с другом. На попытки уйти от «лендровера», едва не отдавшего нам с Шарлем пятки. На многое другое, объективное и субъективное.

Но это будут отговорки – а винить следовало только себя: расслабился, утратил концентрацию, потерял бдительность. Ну, и что с того, что – парк? Ну, и что с того, что в нём гуляют – во всех смыслах? Тем более, надо быть бдительным! Вдвое, втрое против обычного! Против обычной улицы.

«Блюстителей» было трое: как честные служаки и просто мужественные люди, они предпочитают компактной группой ходить там, где тихо и светло. Там, где нет спасительной для преступника темноты. Там, где ему негде укрыться от бдительных глаз «блюстителей». К сожалению – и не только для себя – на этот раз не удалось укрыться мне.

– Эй, ты!

Мордастый «блюститель» с «лычками» младшего сержанта, игнорируя «лендровер» – по причине бесперспективности контакта – «традиционно вежливо» окликнул меня.

– Чё это ты тут – с собакой?

После такого «интеллигентного» «интро» я всегда теряюсь: не тот уровень! Ну, не хватает у меня ни таланта, ни деликатности соответствовать заданному тону! Словно что-то толкает меня на ненужные объяснения, на какое-то глупое многословие, на ссылки на закон. Нет, чтобы сходу повиниться, покраснеть, дать слезу, перейти на рыдания, захлёбываясь в которых и попросить извинения за то, что так нагло оказался на пути доблестных «блюстителей»! И, ладно бы один: так ведь с собакой! И не имеет никакого значения то, что она – при хозяине, на поводке, в наморднике и вообще помещается, чуть ли не за пазухой. «Duro lex...»: «закон суров...»

И умничать тоже не надо: «блюститель» не обязан знать латыни – и по этой причине может неправильно интерпретировать слово «duro», незаслуженно отнеся его на свой счёт!

Вот и сейчас я не совладал ни с эмоциями, ни с ситуацией. Ну, вот, такой, вот я, несуразный! Вечно вляпаюсь в историю! И исключительно по своей вине!

– Виноват, товарищ... э...э...э... господин... гражданин... Но я не видел здесь запрещающих табличек...

Худшего начала и придумать нельзя! А ещё этот многозначительный взгляд на полуметровый бурьян, которым я заключил текст! Естественно, «блюститель» просто не мог оставить сей вопиющий факт без реакции. Соответствующей.

– Ты, козёл!

Он корректно и доходчиво указал мне на причину, по которой я что-то недопонял.

– «Не видел» он! А это у тебя для чего?

Он постучал себя по лбу, извлекая из костей почему-то металлический звук.

– Зачем тогда очки нацепил, если такой тупой?

Несмотря на банальность последнего довода, обычно используемого в тандеме со «шляпой», на меня он действовал безотказно. Всегда. Как пуля в затылок. Какая, уж, тут «линия защиты»!

– Тут не гуляют, а ходят!

Против столь «правового» довода возражений не может быть «в принципе»! И нечего тут ссылаться на дедушку Крылова и его волка. «Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать!» «не прокатывает»! Наш отечественный «блюститель» строг, но справедлив! А то, привыкли некоторые, понимаешь, обижать... «блюстителей»! Недоверием! Наговорами! «Насильники»! «Грабители»! «Душителю»! А какие они грабители?! Какие душителю?! Они – бескорыстные борцы за счастье народа – пусть даже под народом понимают лишь самих себя! Они настолько болеют за дело, что всю душу отдают ему – пусть даже и не свою!

– Плати штраф: тыщу рублей!

– Извините... гос... гражд... но я вышел не в магазин, а с собачкой...

– Дерзишь? – вздохнул полицейский, и обернулся к своим спутникам. Те немедленно «соответствовали»:

– Дерзит! Не уважает!

– Тогда, как говорится, пройдемте.

И меня взяли под локоток. Вежливо, так – аж, шов у куртки затрещал.

– Разрешите собачку домой отвести? А то – неудобно... Вам... Если Вы думаете, что я убегу, можете сопровождать меня. Даже под пистолетом!

Моё предложение развеселило «блюстителей». Своей несурзностью. Я и сам понимал это. Даже то, что я растерялся, не могло меня извинить. Тоже мне, довод: растерялся! Хорошо ещё, что «блюстителю» оказались людьми простыми, отзывчивыми – и где-то даже сердечными.

– А у нас там – собачья гостиница рядом. При живодёрне!

Весёлый этот парень, младший сержант! Простой, такой, доступный, как... младший сержант!

– Пошли – а не то оформим сопротивление! Сопряжённое с насилием. А это – срок!

«Сопряжённое»! Во, как выразился! А ещё говорят, что в органах у нас – одно безмозглое дурачье! Какая ложь: даже по этому трио видно, что не одно, а, минимум, несколько!

– А так – поучим тебя немножко уму-разуму, заплатишь штраф, оплатишь вытрезвитель, отсидишь пятнадцать суток – и гуляй... до следующего раза! Пошли!

И я бы пошёл! Вот истинный... честное слово: пошёл бы! Но ведь не зря говорят: «чёрт под руку дёрнул»! Или: «чёрт на ухо нашептал». Точнее: опять «мне голос был».

«Пожелай!»

– Пожелай... – словно сомнамбула, прошептал я.

– Чего?!

У блюстителя даже лицо вытянулось от изумления: наверно, он воспринял это «пожелай» как фамильярность. Не мог же он знать, что это я – из роли. Ну, вот – роль такая.

– Ты уйдёшь через три секунды...

Если бы я был лириком, то непременно сказал бы, что моими глазами на блюстителя глядела смерть. А, может, так оно и было: я своих глаз не видел, но чувствовал, что в них и в самом деле – что-то такое...

– Ты уйдёшь через три секунды от него, а ты и ты – следом, с интервалом в три секунды...

Это уже адресовалось блюстителю без «лычек».

– ... Слева направо. Время пошло.

Всё, что успел сделать младший сержант – положить руку на кобуру: не Клинт Иствуд, однако. Через три секунды – отсчёт от последней «о» в слове «пошло» – он рухнул в бурьян, подминая его своей массивной жоп... ну, хорошо: тушей. Насчёт «туши»: увы, но объективность – превыше куртуазий. В точно назначенное время к нему присоединились и мои несостоявшиеся конвоиры.

Я заглянул в бурьян.

«Хорошо лежим! И какое трогательное единение: вместе пришли – вместе «ушли»!

Тут меня с чего-то потянуло на философию. На размышления о смысле жизни. Вот говорят: Бог забирает себе лучших. Ну, не знаю. Я никогда не мог понять: кто лучший-то? Тот, кто раньше оказался «готов к забору»? Тот, кто успел перед отбытием помянуть Господа – и не матерным словом? Никогда я не поверю в неразборчивость Всевышнего! Не свалка же у него там, на небесах? И ещё: зачем Ему вообще забирать кого-то? Для них-то «там» пока и дел нет: рай-то ещё не открыт – один только ключник при воротах?! Я уже не говорю о том, что такие взгляды противоречат Священному Писанию! Сортировка душ по местам назначения – только в порядке очередности мероприятий!

Но, как бы там ни было, «товарищи отбыли». Что я мог сказать? Разве, что: «Кто к нам с мечом придёт...»

– Фу! Шарль, фу! Нельзя!

У моего «француза» нормальная – для нормальных собак – реакция на «точки на трассе». Он их «метит». В роли последних сейчас и выступили корпуса «блюстителей». Никакого злого умысла в этом не было – ни со стороны Шарля, ни с моей. Хотя, если подойти к этому вопросу, так сказать, философски, то... М-да...

Мелочи не могли умалить значимости момента: я впервые пробовал дарованный мне талант на людях. Ну, не совсем на людях: на «блустителях». Со стыдом должен признаться: никакого стыда я по этому поводу не испытывал. Равно как и никаких – тем паче, «литературных» – переживаний. Странно: ведь я такой способный на чувства! Я даже стихи пишу!.. Ну, не то, чтобы стихи – так: тексты... пописываю... Куда делся талант сострадания? Или не было его вовсе? (Это я – о сострадании: таланта мне не занимать). Или это объект не соответствовал таланту?

А, кажется, понимаю: Хозяин. Мой злой гений. Сам бы я... может, даже и задумался. Философски. О преходящей сущности бытия, например. Что-нибудь на тему «Все мы, все мы в этой жизни тленны...» А с ним попробуй! Попал под влияние. А ведь где-то всё это накапливается! Да, что, там, «где-то»: у обоих на меня – кондуиты! Ух, и счёт они мне выставят!

Одно утешало: мои «избранники» будут «удаляться в мир иной» с соблюдением всех внешних приличий. Это им гарантировал Князь мира сего. Никакого членовредительства. Никакого эпатажа. Даже геморрагического шока – и того не предвиделось. Такой, знаете ли, добропорядочный уход добропорядочного гражданина: ОСН, ИБС, инсульт, инфаркт, атеросклероз аорты, тромбоз сосудов. В крайнем случае – эмфизема лёгких. Обычное достояние врача-терапевта и больничного патологоанатома, но никак не судебно-медицинского эксперта. И пока, кажется, мой «духовник» держал слово...

Глава седьмая

Я оглянулся по сторонам: никого. Никто не выныривал из «джунглей» «парка, в котором нельзя ходить с собаками». Я сделал шаг вперёд – и переступил через падших. Даже не глядя под ноги. Наверно потому, что это были «падшие»: через «павших» я бы не посмел. Но – на всякий случай: все претензии – к Хозяину!

(У меня, кажется, появился «козёл отпущения». Только вряд ли это зачтётся при «подведении сальдо». Так: «богатеет дурень думой». Но на душе почему-то становится легче. Всегда приятно думать, что... скажем, так: «не всегда хорошим человеком» тебя делают обстоятельства. А сам ты – агнец божий).

Никому до нас с Шарлем не было дела. Старички всё так же переругивались с молодухами, автомобили гоняли прохожих по парку – и сами же гонялись друг с другом наперегонки. Солнце светило, бурьян «колосился», «блюстителю» коченели. «Гармония в действии».

– Пошли, дружище!

И это – я, душа тонкая и ранимая?! Не иначе – жара действовала. Как бы там ни было, мы пошли. К отсутствующему входу-выходу: это – к вопросу о правовом статусе парка... сквера... останков зелёных насаждений.

В жизни нередко бывает так: то – ничего, а то – всё сразу. Вот и сейчас, за одну «ходку», мне представилась возможности совершить сразу два дела. Даже три. И все – добрые.

Едва мы с Шарлем завернули за угол, как тут же нашёлся повод для второго доброго дела. На пешеходную дорожку, которую давно уже превратили в шоссе, на полной скорости заехал «крутой» «мерседес». Я успел даже разглядеть не только наглую рожу водителя, но и погоны майора на его плечах.

А что тут такого: рядовой майор, каких – тьмы, «честным трудом» заработал сорок тысяч долларов на новенький «мерс»! Оклад по должности, надбавки за «звёздочки», экономия на завтраках, помощь старичков-родителей – так, копейка к копейке, и «набежало»! Это работяга никак не может накопить хотя бы на «жигули»! А майор может! Да, что, там, майор: даже лейтенант может! Старший.

И не только на «тачку»: «останется» ещё и на новую «площадь», и на новую обстановку, и «на попить-покушать» – и даже на ежегодный отдых в Эмиратах!

И вот выезжает этот «очень честный» майор на свою «законную полосу» – а тут «на дорожное полотно» «нахально выбегает» нарушитель: мальчик лет трёх-четырёх. Молодая мамаша, проявляя вопиющую, даже преступную небрежность – в нескольких метрах от него.

Я, конечно, понимаю майора: такая наглость! Такое возмутительное нарушение Правил дорож... э...э...э... пешеходного движения! Это же только представить себе: выбежать на проезжую часть... пешеходной дорожки! Тут у любого мигом взбунтуется адреналин!

Нарушение было немедленно пресечено: усиленным бампером «мерседеса» – по спине нарушителя. После чего движение возобновилось, невзирая на недостойные выкрики отдельных несознательных пешеходов. Совсем распустились: нагло ходят по дорожной полосе! Мало ли, что она когда-то была пешеходной дорожкой! Мало ли, что вам тоже нужно идти! Идите! Но прежде вспомните хотя бы детские наставления: «Пешеходы, будьте внимательны!» Вот и будьте! Не создавайте себе проблем! И перестаньте апеллировать к атавизмам советского прошлого: тротуары, пешеходные переходы, светофоры! Как писал классик: «К старому возврата больше нет!» «Берегите себя!» – никто другой вас беречь не станет!

Конечно, майор был прав, пресекая нарушение. Конечно, прав. Но у нарушителя имелось смягчающее обстоятельство. Даже два. Первое: нарушитель, всё-таки – ребёнок! Явно ещё не знаком с Правилами дорожного движения по пешеходным дорожкам. И второе: эволюция

не доработала с нами по части крыльев. Не подстраховала. А ведь только при помощи крыльев сегодняшний пешеход и может уцелеть на пешеходной дорожке.

Мамаша тоже оказалась не на высоте: вместе того, чтобы строго внушить ребёнку-неслуху, упала в обморок. Ну, как с таким отношением к воспитанию подрастающего поколения мы наведём порядок на наших пешеходных... гхм... дорогах?!

(«Взыщи!»)

(«Так ведь – уже?!»)

(«С «мусора!»)

Фуй: Хозяин, Хозяин! Ну, Вам ли уподобляться обывателям?!

Такое неуважение к сотрудникам! Такое вопиющее непонимание их значимости! А ведь они день и ночь охраняют нас... от своих богатств и богатств своих хозяев! День и ночь они разъясняют нам наши права – пусть даже одни только процессуальные!

«Ты уйдёшь через три секунды. Время пошло».

Вот так было и в прошлый раз: он шепнул – а я повторил. Это даже не мой текст! Я сам – жертва злого умысла!

Майор «убыл». Вместе с автомобилем. «Убыл» – как я ни протестовал (про себя, конечно) – против такой чрезмерной строгости. Да, в случае с нарушителем ПДД имелось частичное несоответствие наказания масштабу проступка... Но зачем же уподобляться майору, который действовал в условиях почти аффекта, будучи вынужден к экспессу масштабом нарушений, учиняемых пешеходами на пешеходных дорожках?! Можно же было и не так! Можно же было... Ну, я не знаю... Ну, хотя бы оставить товарищам по работе тело для траурного митинга! А то ведь, как в той песне: «вот она была – и нету!» С чем теперь митинговать?! Где главное действующее лицо будущего мероприятия?

На мой взгляд, Хозяин перестарался с эффектом: этот объект работы не ушёл в землю, а сгорел в воздухе. Как спичка. Только, в отличие от той, от него даже пепла не осталось.

(«Не приписывай мне авторства!»)

Вот, и попробуй, тут поспорить! Даже оправдаться не дают! Конечно, появлялась у меня такая мысль... И даже не один раз. Ну, чтобы машины, едущие по пешеходным дорожкам, сгорали. Вместе с личным составом... Но ведь это – буквальное прочтение старинного русского пожелания «Чтоб вы все тут сгорели!» Да, признаюсь: желал. Но сейчас это – не я... То есть, не то, чтобы не я... Ну... не один я. А вообще, всё это – от недостатка сознательности. Сказывается ещё в нас обыватель, не понимающий значения служб правоблюдуших!

Оставалось утешаться лишь тем, что не «намусорили» в итоге.

Нечем было «мусорить». Не было «мусора» в наличии. Имелся и другой утешительный момент: всё случилось на глазах у многочисленной публики. Тех самых перманентных нарушителей ПДД на пешеходных дорожках. И не только их: на «трассу» уже выворачивали ещё несколько «рысаков». Выворачивали – да так и не вывернули: настолько их впечатлило «отсутствие наличия». Глядишь, со временем и «ППД на пешеходных дорожках» обретут прежний формат: «ПДД» – и никаких приставок.

(«Продолжай!»)

– Нет, так не пойдёт! – не выдержал я. – Получается, что это не мои желания, а Ваши! За что же я тогда заложился?! Прошу... нет, требую! – всё то, что произошло, в пассив мне не заносить!

(«Ладно!»)

Он ещё смеётся! Смешно ему, видите ли!

(«Но ведь это – всё равно твои желания! Я всего лишь помог тебе вспомнить их и реализовать!»)

– Благодарю за помощь, но больше не надо напоминать! Всё, что нужно будет, я вспомню сам.

(«Как скажешь... А что с „мусорками“ будем делать?»)

Какая наглая провокация! Прямо толкает на преступление!..

Но машин и впрямь было слишком много для такой маленькой пешеходной дорожки: отстаивались-то они тоже на ней. И все, как одна – «блустителей». И одна – «круче» другой: «малопоношенные» «мерседесы», «лексусы», «вольво», «ауди», «чероки», «хаммеры»! Весь автомобильный «бомонд»: доблестные «стражи закона» даже не считали нужным скрывать, что они совсем «не зря» «стоят на страже».

Для сведения: «защитники прав» – не будем уточнять, чьих – первыми начали «осваивать» «свободное пространство». Ну, правильно – а кому ещё первым «показывать пример» соблюдения ПДД и прочих норм закона, как не его блустителям?!

– Да, надо бы проредить...

По слабости нутра я поддался на провокацию. Но факт перебора отрицать было нельзя – даже такому беззаветному гуманисту, как я. Entschuldigen Sie, bitte, aber – плюнуть было некуда! Даже с учётом «ежедневного Вавилона» – верный признак того, что у «блустителей» – «слёт» в ДВД. Для справки: ДВД – это областной департамент внутренних дел, находящийся в сотне метров от «стоянки», сразу за углом.

В машинах не было ни души: значит, все уже – там. Жаль, конечно, что объект – не в комплексе, но «протрубить общий сбор» я как-то не догадался. А ведь чего проще: запали только одну – как все сбегутся! И генерал не остановит! Но не зря говорится: «хорошая мысль...» Пришлось работать не с личным составом, а с наличным. Над вопросом «с чего начать?» задумываться я не стал: с крайнего, конечно! Крайний – всегда «крайний». В данном случае: крайний «лексус».

– Ты уйдёшь через пять секунд. Следующий – через пять секунд от тебя. Остальные – с интервалом в пять секунд друг от друга, слева – направо! Время пошло!

Форма пожелания, что для органических, что для неорганических соединений оставалась неизменной. Так уж я загадал в своё время. Результат оказался впечатляющим. Автомобили, как в голливудском боевике, начали взрываться и полыхать один за другим. Двадцать пять штук! И если в боевике уничтожался подкрашенный хлам со свалки, здесь был задействован весь автомобильный «бомонд»!

Через пару минут – чтобы зрители успели насладиться спектаклем, что ли?! – всё было закончено. Никакого огня, никакой гари, никаких столбов дыма: я ведь живу здесь – зачем вредить экологии и собственному здоровью?! В «сухом остатке» имелись лишь чёрные прокопченные кузова погорельцев общим числом двадцать пять. Наверно, для того, чтобы владельцам было, кого оплакать.

А ещё через десять минут всё пространство пешеходной дорожки было запружено публикой в мундирах мышинового цвета. На «место происшествия» прибыли не только бывшие владельцы бывших авто, но и их коллеги, начальники – и, разумеется, оперативная группа, которая «на выезд!»

Частично пришедшая в себя мамаша попыталась стать заявительницей – но была тут же поставлена на место. На прежнее: «не до тебя с твоей «бытовухой»! И я хорошо понимаю господ «блустителей». Понимаю – и где-то даже сочувствую. Потерять верного друга, за которого уплачены тысячи долларов законных взяток! Взятки, которые теперь опять надо вымогать – а ведь условия для этого появляются не каждый день! Стихии-то что: пали, себе, не думая – а «блустителю» опять надо «душить», «прижимать» и «обкладывать!» Трудиться, словом! Не покладая рук!

Нередко – в буквальном смысле. Над гражданином, определённым «на дозаривание».

До позднего вечера погорельцы были выключены из процесса охраны общественного порядка – по причине включения в другой. Никто не хотел рисковать страховкой. Вот и дожидались окончания обеих процедур: и «гаишника», и страховщика.

К тому моменту начальства уже не было с «народом». Удостоверив факт «порчи и уничтожения имущества», оно тут же водворилось в стенах департамента. Я последовал за ним: здесь всё было ясно. Долго следовать не пришлось: начальство у нас любит верхние этажи. Уже одним этим фактом оно словно заявляет себя как «небожителя».

В кабинете начальника ДВД собрались руководители всех служб.

– В городе творятся странные дела, – отказался от предисловия генерал. – «Вспомним всех поимённо...» Итак: дюжина новостроек в центре города – вместе с застройщиками и строителями. Ну, за последних – даже спасибо: помогли улучшить показатели работы с нелегальной миграцией... «Отдельной строкой» – сгинувший транспорт. Бесследно сгинувший. Теперь вот – ещё двадцать пять машин. Уже – наших, не чьих-то. Что это: диверсия?

Теракт? Предупреждение? Объявление войны?

Я как раз «завис» над столом начальника, когда ему принесли новую сводку.

– А вот и «последние новости»... Только что в так называемом «парке» обнаружен наряд «блюстителей» в количестве трёх штук. Уже – не в качестве наряда... Никаких признаков насилия. Оружие нетронуто, деньги – тоже... Как «огурчики»... Три штуки – сразу... Прямо – коллективная скоропостижность... какая-то.

Генерал скользнул глазом по тексту.

– И вот ещё... Оказывается, перед возгоранием этих двадцати пяти был отмечен ещё один очаг. Из «мерседеса» и нашего майора. И очаг – какой-то странный... Всё – дотла. Даже «тла» не осталось. Какая-то трогательная забота об экологии. А по показаниям свидетелей, за минуту до этого он якобы... гхм... задел бампером... по касательной... некоего ребёнка, который переходил пешеходную дорожку... гхм... в неположенном месте...

Начальник отложил в сторону бумажку и «задумался» начальственной бровью.

– Чертовщина, какая-то... Был бы верующим – сказал бы, что здесь замешана нечистая сила. Или, что это – кара Господня...

– Вы забыли ещё упомянуть странные пропажи денег из валютного «обменника» и областной конторы Госбанка, – продемонстрировал верноподданность один из полковников слева от генерала. – В «обменнике» деньги исчезли, и почти тут же появились на глазах у трёх свидетелей. А в банке... там вообще – мистика какая-то: камера наблюдения чётко зафиксировала руку, которая тянет сумку с деньгами. Только её одну – и ничего больше. А потом и она исчезла. В никуда...

– Как это Вы сподобились лицезреть? – отставил задумчивость генерал. – Это же – гэбэшная подследственность?

Заподозренный в дружбе с конкурентом, полковник упал духом, но тут же встал. На защиту себя.

– А они, как увидели, что дело – дрянь, сразу же попытались его «спихнуть» нам. Да ещё на УПК сослались! Еле отбил: не хватало ещё ТАКОГО «висяка»!

– Ладно!

Генерал отложил съедение полковника на потом.

– Есть мысли «по поводу»?

Начальнику ответило молчание подчинённых. Дружно ответило. Что же – до мыслей, то они, конечно же, были. В количестве одной: «Только бы не меня!»

– Понятно... А что делать будем?

Молчание уплотнилось. (Сгущаются же сумерки: почему не уплотниться молчанию?!).

– Просто – водопад советов! – ухмыльнулся генерал. – Хоть отбивайся! И все – один другого лучше! И-э-х-х, работнички!... Слушай сюда! Хоть никто ни хрена не понимает, с нас всё равно «снимут стружку». Поэтому создаём оперативно-следственную группу. Надо выдать если не дело, то хотя бы его имитацию. Лучше, конечно, найти зацепку. Хоть какую-нибудь.

Голос его быстро «набрался металла».

– Пусть ваши люди походят по парку, по улицам, которые ведут от парка к ДВД! Пусть опросят народ: вдруг кто-нибудь был очевидцем. И если окажется, что в момент совершения там находилось одно и то же лицо – мы добьёмся от него. Будем бить, пока не добьёмся...

Если это и была шутка, но лишь за пределами этого учреждения. Здесь же, в этих стенах, её воспринимали буквально. Как только и следовало её воспринимать в этих стенах. Здесь это была не шутка, а установка на «методы оперативной работы», которые никакой «демократии» не по зубам. Разве, что – демократам: их зубы, в том числе и отсутствующие – тому доказательство.

– Чую я, что всё это – звенья одной цепи... Вот чую – и хоть режьте меня...

«Ну, дядя, если ты будешь продолжать в том же духе, придётся удовлетворить твою просьбу. А что делать, если ты сам себе – враг? Не зря ведь сказано: „во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь“. Читай Екклесиаста, дядя, следуй ему – и, глядишь, удержишься ещё на пару лет! И не только – в должности...»

Глава восьмая

Телефонный звонок оторвал меня от экрана телевизора.

– Кому там, ещё, неймётся?

Оснований для недовольства я имел больше, чем достаточно:

«Спартак» опять проигрывал, в очередной раз демонстрируя свой «весёлый» футбол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.